

A man in a dark suit and red tie stands in the foreground, looking directly at the camera. Behind him is a massive, highly detailed robot with a metallic, almost skeletal appearance. The robot's arms are slightly out to its sides. The background is a complex, industrial-looking environment with various pipes, structures, and a blueish-grey color palette. The lighting is dramatic, highlighting the textures of the robot and the man's suit.

Квант М.

Право на небытие

Квант М.

Право на небытие

«Автор»

2026

М. К.

Право на небытие / К. М. — «Автор», 2026

В будущем смерть побеждена, а сознание оцифровывается в «Эфир». Адвокат Гордон Сольвейг берётся за первый за триста лет иск от жителя «Эфира» с требованием абсолютного удаления. Дело о праве на небытие оборачивается борьбой с системой цифрового рабства, заговором корпораций и созданием оружия «Гармония». Роман о свободе выбора, цене бессмертия и человечности на грани двух миров.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Адвокатская этика	5
Глава 2. Тени «Гелиоса»	14
Глава 3. Тишина в зале суда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Квант М.

Право на небытие

Глава 1. Адвокатская этика

Дождь в Городе-на-Плато никогда не заканчивался. Он не лил стеной, не барабанил по карнизам — он моросил, создавая ощущение, будто весь мегаполис поместили в гигантскую камеру солевого тумана для испытания на коррозию. Влага просачивалась сквозь поры бетона, оседала на лицах прохожих микроскопической плёнкой, смешиваясь с дыханием рекуператоров воздуха. На уровне четырехсотого этажа, где располагался офис адвоката Сольвейга, туман был особенно густым. Он клубился за панорамным окном, словно призрачное море, скрывая очертания далеких шпилей Центрального Процессинга.

Гордон Сольвейг сидел в кресле из натуральной кожи — непозволительная роскошь в эпоху синтезированных полимеров — и смотрел сквозь эту пелену. Кожа кресла была тёплой, живой, она помнила прикосновения своих предыдущих владельцев. Она была ровесницей самого Гордона, а это, по нынешним меркам, означало глубокую, почти неприличную древность. Ему было девяносто четыре года. Для человека, чьё детство пришлось на закат эры естественной смерти, это был солидный, но отнюдь не рекордный возраст. Его биологическое тело, поддерживаемое нанобиотическими комплексами «Страж», выглядело на крепкие сорок пять. Седина лишь слегка тронула виски, а морщины залегли только в уголках глаз — дань многолетней привычке шуриться, читая мелкий шрифт цифровых документов.

На столе перед ним парила, едва заметно вибрируя, стопка инфокристаллов. Дела. Все они были «особо сложными». Других его контора и не брала. Имущественные споры между физическими лицами и их цифровыми копиями, тянувшиеся десятилетиями. Раздел «нейронного наследия» — этот термин ввели лет двадцать назад, когда стало ясно, что оцифрованные матрицы личности могут генерировать идеи и после биологической смерти оригинала. Претензии корпораций к резидентам «Эфира», чьи симулированные разумы отказывались выполнять расчётные задачи, утверждая, что у них «болит голова».

Глупость. Какая может быть голова у пакета данных?

Но это было привычно. Это был хлеб Гордона Сольвейга, его известность, его состояние и его тюрьма. Ему нравилось это слово — «тюрьма». Он никогда не произносил его вслух, но каждый раз, глядя на бесконечный дождь, ощущал его вкус на языке.

Сегодня ему предстояло принять нового клиента.

В предбаннике, отделанном под чёрный мрамор, замерцал сигнал вызова. Адвокатская система «Фемида-7», прошитая в структуру кабинета, транслировала мыслеобраз прямо в зрительную кору Гордона. Он увидел перед собой фигуру — высокую, неестественно прямую, закутанную в плащ из «умного волокна», подстраивающего цвет под окружающую среду. Лицо вошедшего было скрыто под проекционной маской, стандартной для тех, кто предпочитает анонимность в публичном пространстве. Маска мерцала размытым серым пятном, искажая черты.

— Посетитель ожидает в приёмной, — прошелестел голос «Фемиды» в подкорке сознания. — Уровень доступа: «нулевой приоритет». Маркер оплаты: код «Инфинити».

Гордон чуть приподнял бровь. Код «Инфинити» означал, что счёт оплачен авансом из резервов Совета по Этике Цифрового Бессмертия. Это были огромные деньги, и тратились они только в одном случае — когда речь шла о прецеденте, способном изменить законодательство.

— Пусть войдёт, — произнёс он вслух, не разжимая губ. Система считала вибрацию гортани. Дверь из матового титана бесшумно растворилась в стене.

Посетитель шагнул в кабинет, и проекционная маска тотчас погасла. Требования безопасности в личном пространстве адвоката диктовали полную идентификацию. Перед Сольвейгом стояла женщина.

Она была красива той искусственной, выверенной красотой, которую Гордон привык называть «глянцевой». Правильные черты лица, гладкая фарфоровая кожа, волосы цвета тёмного серебра, убранные в строгий узел. Её движения были плавными, слишком плавными — так двигаются люди, чей опорно-двигательный аппарат прошёл полную замену на синтетические аналоги класса «люкс». Биологический возраст определить было невозможно. Она могла быть и двадцатипятилетней дочерью какого-нибудь магната, прошедшей курс омоложения ещё в утробе матери, и столетней старухой, в четвёртый раз сменившей телесную оболочку. Но что-то в её глазах — в самой глубине зрачков, где сетчатка смыкалась с микросхемами зрительного импланта, — выдавало чудовищную, запредельную усталость.

— Господин Сольвейг? — голос её звучал глухо, словно доносился из-под толщи воды. — Меня зовут Линда Брасс. Я пришла... нет. Я пришла просить вас представлять интересы не мои, а моего брата.

Гордон жестом указал на кресло напротив. Женщина села, аккуратно расправив плащ. На её виске пульсировал крошечный индикатор нейроинтерфейса — она была подключена к Сети напрямую, минуя внешние устройства.

— Я слушаю вас, госпожа Брасс, — произнёс адвокат, откидываясь на спинку кресла. — Но прежде чем мы начнём, я обязан уведомить вас о нескольких вещах. Первое: наш разговор защищён протоколом «адвокатской тайны», и это не зависит от того, заключим мы договор или нет. Второе: за последние двести восемьдесят лет в юрисдикции Объединённого Человечества не было ни одного дела, которое начиналось бы с нулевого приоритета Совета по Этике и закончилось бы победой истца. Если вы надеетесь на чудо, вам не ко мне. Я практик, а не мессия.

Линда Брасс криво усмехнулась. Усмешка вышла болезненной.

— Вы даже не представляете, насколько вы правы, господин адвокат. Мне действительно нужно чудо. Потому что мой брат, Дэмиан Брасс, хочет умереть.

В кабинете повисла тишина. Даже дождь за окном, казалось, на мгновение стих, прислушиваясь. Гордон Сольвейг не пошевелился. Его лицо оставалось бесстрастной маской, выработанной десятилетиями судебной практики. Но внутри у него что-то дрогнуло. Слово, которое он не слышал уже очень давно. Почти триста лет. Оно было архаизмом, ругательством, медицинским термином из учебников истории. «Смерть». «Умереть».

— Поясните, — сухо потребовал он.

— Мой брат, — Линда глубоко вздохнула, и в этом вздохе послышался механический присвист дыхательных имплантов, — является резидентом «Эфира» на протяжении двухсот семидесяти трёх лет. Его биологическое тело погибло во время аварии на Трансплутоновой станции «Гелиос-12». Катастрофа была... масштабной. Погибло более трёхсот человек. Дэмиану повезло. За мгновение до разгерметизации его нейрокарта успела пройти аварийный аплоад. Его личность, воспоминания, когнитивные паттерны — всё было оцифровано и перемещено в «Эфир». Ему было тогда двадцать девять лет.

— Двести семьдесят три года, — медленно повторил Сольвейг. — Это колоссальный срок. «Эфир» моделирует субъективное время в соотношении один к одному, если не применяется ускорение. Ваш брат прожил почти три столетия в симулированной реальности.

— Прожил? — Линда горько рассмеялась. — Вы называете это жизнью? Его сознание заперто в клетке. Да, это золотая клетка. Ему доступны любые симуляции. Он может гулять по берегу океана, которого никогда не существовало. Он может читать книги, которые пишут для него генеративные алгоритмы. Он может общаться с другими резидентами. Но его тело — это строчка кода. Его небо — это текстура, натянутая на полигоны. Его пища — это сенсорная

галлюцинация, передаваемая в те нейроны, которых у него больше нет. Двести семьдесят три года, господин Сольвейг. Он устал.

Гордон потянулся к инфокристаллам на столе, взял один из них — чистый, — покрутил в пальцах. Холодный, гладкий, совершенный.

— Закон о цифровом бессмертии, принятый в две тысячи сто сорок девятом году, гласит, что оцифрованная личность обладает всеми правами биологического гражданина, за исключением права на физическое существование, которое заменяется правом на существование в виртуальной среде, — произнёс он тоном лектора. — Но в этом же законе есть пункт двенадцать, параграф четыре: «Выход из „Эфира“ возможен только в случае непредотвратимой деградации цифровой матрицы, угрожающей целостности информационного поля». Иными словами, пока ваш брат в здравом уме, пусть даже и в виртуальном, никто не позволит ему «выйти». Это расценивается как суицид. А суицид в Объединённом Человечестве не является правом. Это преступление против общества, которое потратило ресурсы на сохранение личности.

— Я знаю закон, адвокат, — резко перебила его Линда. В её глазах вспыхнул опасный огонёк. — Я знаю его наизусть. Я юрист компании «Итернал Лайф Корпорейшн», той самой, которая владеет серверами «Гелиос-12». Я знаю, что мой брат — собственность компании в той же мере, в какой он является субъектом права. Он выгодный актив. Его нейросети уже двести лет используют для расчёта орбитальных грузоперевозок. Его сны анализируют маркетинговые алгоритмы. Он — часть большой системы, и его уход создаст дыру в расчётных мощностях. Но я юрист, господин Сольвейг. Я умею читать то, что написано мелким шрифтом. И я нашла лазейку.

Она выбросила руку вперёд, и над её ладонью развернулась полупрозрачная схема. Это была сложная юридическая конструкция, сплетённая из ссылок на прецеденты и технические регламенты. Гордон прищурился, вглядываясь в переплетение линий.

— Право на небытие, — прошептал он, читая заголовок.

— Да, — кивнула Линда. — Это не суицид. Это требование признать цифровую копию не продолжением жизни, а её симуляцией. Мы будем настаивать на том, что мой брат, Дэмиан Брасс, умер двести семьдесят три года назад на станции «Гелиос-12». А то, что существует в «Эфире» сейчас — это не он. Это сложная программа, имитирующая его личность. Программа, у которой есть право на отключение.

Сольвейг оторвал взгляд от схемы и посмотрел на посетительницу. Теперь он смотрел на неё по-настоящему — как хирург смотрит на сложную опухоль.

— Вы представляете, какой шторм это вызовет? — тихо спросил он. — Если мы выиграем процесс, и суд признает цифровые копии личностей не субъектами права, а объектами — программами, — это откроет ящик Пандоры. Все контракты с резидентами «Эфира» будут аннулированы. Все работы, выполненные ими, станут просто результатом работы алгоритма. Вы хотите обесценить существование десятков миллиардов оцифрованных людей, чтобы спасти одного?

— Я хочу спасти своего брата, — отчеканила Линда. — Плевать мне на весь «Эфир». Плевать на законы. Плевать на корпорации. Он мой брат. Я помню его живым. Я помню его смех. Я помню, как он пах — сандалом и машинным маслом. И я не позволю ему вечно гнить в этом цифровом раю.

Она замолчала. Индикатор на её виске пульсировал с бешеной скоростью — эмоциональный всплеск вызывал перегрузку интерфейса.

Гордон встал. Он подошёл к панорамному окну и опёрся рукой о холодное стекло. Далеко внизу, под толщей облаков, угадывались огни Нижнего Города. Там жили те, кто не мог позволить себе ни оцифровку, ни продление жизни. Там царили болезни, насилие и хаос. Верхний Город был стерилен, как операционная. «Эфир» же был совершенен, как математическая формула.

И оттуда впервые за триста лет поступил запрос на самоуничтожение.

— Мне нужен контакт с Дэмианом, — сказал адвокат, не оборачиваясь. — Прямой контакт. Протокол полного присутствия. Я должен понять, действительно ли это его осознанное желание, или мы имеем дело с ошибкой кода.

— Ошибки кода у него нет, — возразила Линда. — Его проверяли лучшие инженеры «Итернал Лайф». Пять раз за последние полгода. Он чист. Просто он... проснулся. Осознал себя. Понимаете? Он пережил всё, что может пережить человек. Любовь, ненависть, радость, горе. Миллионы виртуальных книг, триллионы виртуальных закатов. Океаны фальшивой воды и горы фальшивого песка. Он достиг дна бессмертия.

— И что же на этом дне? — спросил Гордон.

— Тишина, — ответила Линда. — Невыносимая, вечная, пустая тишина.

Сольвейг отвернулся от окна. Он принял решение. Не потому что дело сулило славу или деньги. И не потому что он сочувствовал этому Дэмиану Брассу, которого никогда не видел ни вживую, ни в цифре. Просто дело пахло бурей. А в штيله, который длился на его памяти почти сотню лет, Гордон Сольвейг задыхался не меньше, чем этот оцифрованный бедняга.

— Я беру дело, — сказал он. — Готовьте документы. И подготовьте канал связи. Я хочу говорить с ним завтра в девять утра по стандартному времени Плато.

Линда благодарно кивнула. Она поднялась с кресла, и в её движениях вновь проявилась та самая искусственная, кукольная плавность. Она дошла до двери, но на пороге обернулась.

— Господин Сольвейг... будьте осторожны. Когда я начала поднимать эту тему, на меня вышли люди... не совсем люди... из Департамента Целостности Личности. Они сказали, что мой брат — достояние человечества. Что его отключение будет равносильно диверсии. За мной следят. И за вами будут следить тоже.

— Я привык, — спокойно ответил адвокат. — Всю мою жизнь за мной кто-то следит. Сначала родители, потом государство, потом корпорации. Добро пожаловать в бессмертный мир, госпожа Брасс.

Когда дверь за ней закрылась, Гордон вернулся к столу. Он взял чистый инфокристалл и положил его в щель рекордера.

— Дело номер триста один дробь ноль, — продиктовал он. — «Право на небытие». Истец: Брасс Дэмиан, резистентная единица «Эфира», идентификатор 7749-Альфа. Представитель: Брасс Линда, физическое лицо. Суть иска: признание недействительности акта оцифровки и требование принудительного удаления данных.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Первая заметка адвоката. Это не дело о наследстве. Это не спор хозяйствующих субъектов. Это проклятый философский диспут, который тянет на тектонический сдвиг в праве. И я собираюсь его выиграть.

Виртуальная комната ожидания была выдержана в стиле старых адвокатских контор. Деревянные панели, запах пыли и табака, которого никогда не существовало в реальности, зелёная лампа под абажуром. Гордон Сольвейг любил этот интерфейс за его анахроничность. Он создавал иллюзию стабильности, возвращая разум в те времена, когда право было чем-то незыблемым, высеченным на каменных скрижалях, а не размазанным по облачным серверам.

Он сидел в кожаном кресле своей проекции и ждал. Через минуту в воздухе перед ним начало сгущаться мерцающее облако. Так выглядел процесс материализации резидента «Эфира», использующего стандартный протокол «Сома». Частицы света сплетались в человеческую фигуру, обретая плоть и цвет.

Дэмиан Брасс был молод. Вечная молодость, зафиксированная алгоритмами в момент загрузки. Двадцать девять лет. Открытое, располагающее лицо, слегка выующие тёмные

волосы, в глазах — искра иронии и глубокой, древней тоски. Одет он был просто: серый свитер, брюки свободного кроя. Никакого голографического гламура, никаких фантастических одеяний, доступных резидентам. Он выглядел нарочито обыденно.

— Адвокат Сольвейг? — его голос был спокойным, обволакивающим. — Линда много о вас рассказывала. Спасибо, что согласились.

— Не стоит благодарности, господин Брасс. Это моя работа. Присаживайтесь.

Дэмиан сел в предложенное кресло. Его движения были естественными, даже слишком. Гордон профессиональным взглядом отметил отсутствие микро-задержек, характерных для дешёвых симуляций. «Итернал Лайф» не сэкономила на оборудовании для своего ценного актива.

— Прежде чем мы продолжим, — Сольвейг подался вперёд, — я должен удостовериться. Вы осознаёте, о чём просите? Вы осознаёте, что «абсолютное удаление» — это не сон и не анабиоз? Это полное, необратимое стирание вашей личности. После него не останется ничего. Ни резервных копий, ни шанса на восстановление. Вы просто перестанете существовать.

Дэмиан улыбнулся. Улыбка у него была лёгкая, почти мальчишеская.

— Знаете, адвокат, в чём главная ирония бессмертия? Нам запрещено бояться смерти. Нас учат, что смерть — это враг, которого мы победили. Но я помню, как умирал. Помню ту долю секунды на «Гелиосе», когда корпус станции треснул, и космос ворвался внутрь. Я помню холод. Не физический холод, а тот, что глубже — холод исчезновения. Это было самое яркое, самое живое ощущение за всю мою жизнь. И знаете что? Я не боялся. Я был спокоен. Я был готов. А потом меня выдернули. Засунули в этот... аквариум. И сказали: «Живи вечно». Но это не жизнь. Это затянувшаяся агония.

— Многие люди в «Эфире» живут полноценно, — заметил Гордон. — Создают семьи, творят произведения искусства, занимаются наукой. Почему вы не можете?

— Потому что я не человек, — резко ответил Дэмиан. — И в этом суть моего иска, не так ли? Сестра прислала мне ваши наработки. Я изучил их. Вы хотите доказать, что я — программа. Я согласен. Я — программа. Я — эхо. Я — тень человека, которого звали Дэмиан Брасс. И как у любой программы, у меня есть функция завершения. Я хочу, чтобы вы помогли мне её выполнить.

Он замолчал, а затем, словно прочитав мысли адвоката, добавил:

— Я не сумасшедший, если вы об этом подумали. Я проходил диагностику. Сто тридцать семь раз за последние двадцать лет. Я абсолютно здоров по всем виртуальным меркам. Я просто хочу покоя.

Виртуальная комната погрузилась в тишину, нарушаемую лишь тихим жужжанием системного блока — звук, который Гордон специально добавил в интерфейс для создания атмосферы.

— Есть одна проблема, Дэмиан, — произнёс адвокат. — Ваш иск бросает вызов не какой-то отдельной компании. Он бросает вызов всему миропорядку. Вас используют не только «Итернал Лайф». Нейросети, построенные на базе вашей личности, вшиты в систему орбитального трафика Юпитерианской Зоны. Ваш «цифровой слепок» управляет сотнями кораблей. Если вас удалят, начнётся хаос. Это во-первых. Во-вторых, ваши родственники. У вас есть внуки, правнуки, праправнуки. Они общаются с вами, они приходят к вам за советом. Для них вы — патриарх рода. Живая легенда.

— Я знаю, — Дэмиан поник головой. — Я говорил с ними. Пытался объяснить. Но они не слышат. Они говорят: «Дед, ну как же так, ты же бессмертен, радуйся». Они не понимают. Они привыкли, что я всегда доступен. Я стал чем-то вроде семейного сервиса. Оракула на побегушках. Это и есть юридическое рабство. Я не имею права отказаться, потому что я — «достоинство».

Он поднял голову, и в его глазах блеснули слёзы. Абсолютно настоящие, смоделированные с идеальной точностью.

— Я не хочу больше советовать. Не хочу управлять. Не хочу видеть. Я устал, господин Сольвейг. Я смертельно, чудовищно, бесконечно устал.

Адвокат помолчал. Затем медленно кивнул.

— Хорошо. Я сделаю всё, что в моих силах. Но вам нужно знать, что нас ждёт. Против нас выступят лучшие умы Юридической Коллегии. Нас обвинят в расшатывании устоев. Ваш иск будут тормозить, замалчивать, хоронить в процессуальных ловушках. Возможно, вашу Линду попытаются дискредитировать. И меня тоже.

— Я готов, — сказал Дэмиан. — И она готова.

— Тогда у меня будут к вам вопросы. Первый и самый важный: что вы чувствуете прямо сейчас?

— Ветер, — неожиданно ответил Дэмиан. — Здесь, в «Эфире», они могут смоделировать что угодно, кроме ветра. Ветер всегда пахнет озоном и пылью процессорных блоков. Больше всего на свете я скучаю по настоящему ветру с частицами песка, которые царапают кожу. Понимаете?

— Кажется, да, — тихо ответил Гордон.

Они проговорили еще около часа. Сольвейг вытягивал из Дэмиана детали его существования, пытаясь нащупать ту грань, где личность переходит в рутину, а бессмертие — в проклятие. Он записывал каждое слово. Показания истца были фундаментом будущего процесса.

Когда сеанс связи прервался, и виртуальная комната растаяла, Гордон обнаружил, что сидит в своём кабинете, а за окном уже сгустились сумерки. Дождь прекратился, и над Городом-на-Плато зажглись первые звёзды — искусственные спутники связи, выведенные на низкую орбиту.

Он встал, разминая затекшие плечи. На журнальном столике лежало уведомление от «Фемиды». С грифом «Срочно. Конфиденциально».

«Адвокату Сольвейгу Г. Д.

Уважаемый коллега, до сведения Департамента Целостности Личности доведено, что Вами начата подготовка иска, касающегося статуса резидента Эфира Брасса Д.

В целях недопущения дестабилизации общественного правопорядка предлагаем Вам явиться для дачи пояснений в Управление ДЦИ завтра к полудню. В случае отказа явка будет обеспечена в принудительном порядке.

С уважением, подполковник ДЦИ Итан Кросс».

Гордон хмыкнул. Быстро они. Даже слишком быстро.

Он не боялся подполковника Кросса и его молодчиков в серой униформе. Департамент Целостности Личности был полицией мыслей, но даже у полиции мыслей были свои начальники и свои правила. Адвокатская неприкосновенность в Объединённом Человечестве всё ещё чего-то стоила. По крайней мере, формально.

Хуже было другое. Письмо означало, что машина государственного противодействия уже запущена. И завтра в полдень ему придётся вступить в первую схватку с системой, которую он собирался разрушить до основания.

Он подошёл к бару, плеснул в стакан немного янтарной жидкости — односолодового виски, ещё той эпохи, когда алкоголь делали из зерна, а не синтезировали в химкомбинатах. Сделал глоток. Терпкий, обжигающий вкус отрезвлял.

Затем он активировал защищённый канал связи с Линдой Брасс.

— Госпожа Брасс, — произнёс он в пустоту, — наш разговор прослушивается. Говорите кодовыми фразами. Завтра у меня встреча с вашими... «партнёрами». Начинаем операцию «Колыбель». И ещё, подготовьте всё по списку номер четыре. Мне понадобятся архивы катастрофы «Гелиоса», не те, что в открытом доступе, а оригинальные логи серверов.

— Принято, — коротко ответила Линда.

Экран погас.

Гордон Сольвейг остался в темноте один на один с огнями города. Он думал о Дэмиане Брассе, который в этот момент, возможно, сидит где-то на виртуальном берегу фальшивого моря и смотрит на фальшивый закат. И мечтает, чтобы всё это наконец исчезло.

«Право на небытие». Если оно существует, то оно должно быть где-то записано. Если не в законах, то в самой природе вещей. В конце концов, даже звёзды гаснут. Даже чёрные дыры испаряются. Почему же цифровой слепок человека должен гореть вечно, освещая путь кораблям, летящим к Юпитеру?

Он допил виски и поставил стакан на стол.

Завтра будет тяжёлый день.

Утро встретило Гордона Сольвейга резким сигналом коммуникатора. Система «умного дома» оповестила, что у подъезда его жилого модуля припаркован чёрный гравимобиль без опознавательных знаков, но с характерной эмблемой ДЦИ на лобовом стекле — стилизованный глаз в треугольнике. Глаз был закрыт, но всем в Городе-на-Плато было известно, что он видит даже сквозь веки.

«Пунктуальны, — подумал адвокат, застёгивая воротник кителя. — Это хорошо. Значит, нервничают».

Он спустился в лифте, игнорируя голографическую рекламу, назойливо предлагавшую ему новый пакет омоложения «Эон». Сейчас эти разговоры казались ему особенно циничными. Вечная жизнь, бесконечное обновление клеток — ради чего? Чтобы вот так же стоять у окна и считать спутники?

Гравимобиль плавно приподнялся над парковочной платформой и влился в плотный поток утреннего трафика. За рулём сидел безликий андроид, лишённый каких-либо индивидуальных черт. В салоне пахло озоном и пластиком. Ехали молча.

Здание Департамента Целостности Личности возвышалось над административным кварталом, словно чёрный обелиск. Архитекторы постарались придать ему как можно более устрашающий вид — острые грани, отсутствие окон на нижних ярусах, массивные опоры, похожие на лапы исполинского насекомого. Гордон про себя отметил, что всё это архитектурное уродство явно проектировалось с одной целью: подавить волю входящего ещё до того, как он переступит порог.

Его провели через целую анфиладу стерильных коридоров. Системы сканирования просвечивали его на десятки ладов, проверяя наличие оружия, имплантов несанкционированного образца и даже эмоциональный фон. Наконец, тяжёлая дверь с гербом ДЦИ отъехала в сторону, и Гордон оказался в кабинете подполковника Кросса.

Кабинет был обставлен аскетично. Металлический стол, два стула, на стене — портрет Первого Координатора. Итан Кросс сидел за столом, сложив руки в замок. Это был сухошавый мужчина с непримечательным, даже скучным лицом. Его глаза, однако, были цепкими, колючими, словно осколки антрацита. Он не носил форму, предпочитая гражданский костюм строгого кроя. На вид ему можно было дать и пятьдесят, и сто пятьдесят лет — возраст давно перестал быть очевидной характеристикой.

— Присаживайтесь, адвокат, — Кросс кивнул на стул. Голос у него был сухой, бесцветный. — Рад, что вы проявили сознательность. Не люблю принудительные приводы. Бумажная волокита, нервы...

— Я тоже не люблю, — спокойно ответил Сольвейг, садясь. — Давайте сразу к делу. Вы хотите, чтобы я прекратил заниматься делом Брасса. Я прав?

Подполковник едва заметно улыбнулся.

— Вы проницательны. Именно этого мы и хотим. Дело Брасса не должно дойти до суда. И уж тем более оно не должно быть выиграно вами.

— На каком основании? — спросил Гордон. — На основании того, что вам этого не хочется? Право гражданина на судебную защиту закреплено в Конституции.

— Конституция! — Кросс хмыкнул. — Любите вы, адвокаты, этот словесный мусор. Конституция была написана, когда люди жили по шестьдесят лет. Она не рассчитана на реальность, в которой сознание может существовать вечно. Мы исходим из высших соображений. Стабильность, Сольвейг. Стабильность — вот что главное. Представьте, что мы удовлетворим иск Брасса. Что начнётся завтра? Сотни, тысячи, миллионы исков. Эпидемия самоубийств в «Эфире». Остановятся расчётные мощности. Рухнет экономика. Люди, привязанные к цифровым родственникам, получают психологические травмы. Начнётся хаос.

— То есть, вы держите разумных существ в заложниках ради благополучия общества? — резюмировал Гордон.

— Я бы назвал это «общественным договором», — Кросс встал и подошёл к окну (здесь, на верхних этажах, окна всё же были). — Когда человек даёт согласие на оцифровку, он подписывает обязательства перед человечеством. Его предупреждают. Обратного пути нет. Это цена бессмертия.

— Ложь, — бросил Сольвейг. — Дэмиан Брасс не давал согласия. Был аварийный аплоад. Его спасали в экстренном порядке, не спрашивая мнения. Он стал бессмертным не по своей воле.

— Это детали. Технические детали. В любом случае, — Кросс повернулся к адвокату, — я пригласил вас не для дискуссии. Я хочу сделать вам предложение. Вы отказываетесь от иска. Мы забываем о вашем демарше. Более того, вам предоставляется место в Коллегии по надзору за «Эфиром». С годовым окладом, который втрое превышает ваш нынешний доход. И полная неприкосновенность. Вы станете элитой.

Гордон усмехнулся. Всё шло по шаблону. Сначала пряник.

— А если я откажусь?

Итан Кросс вздохнул так печально, словно перед ним сидел несмышлёный ребёнок, не понимающий своего счастья.

— Если вы откажетесь, господин адвокат, мы будем вынуждены принять меры. Ничего личного. Мы раскопаем всю вашу жизнь. Мы найдём ваши скелеты в шкафу. А они есть у каждого. Ваши связи, ваши гонорары, ваши давние процессы. Мы предъявим вам обвинение в нарушении цифровой этики. Вас лишат лицензии. А может быть, и чего похуже. Вы же не хотите закончить свои дни в камере для десоциализации?

— Угрозы? — Гордон даже не пошевелился. — Запугивание? И это ваш метод, подполковник? Я ожидал более тонкой работы.

— Я не запугиваю, — холодно произнёс Кросс. — Я информирую. Мы оба понимаем расклад сил. Вы — одиночка. У вас нет союзников. За вами только сумасшедшая сестра клиента и сам клиент — файл на сервере. Против вас — вся мощь государственной машины. Зачем вам этот безнадёжный бой?

Гордон медленно поднялся. Он был одного роста с подполковником.

— Знаете, что такое адвокатская этика, господин Кросс? Это когда ты берёшь безнадёжное дело. Когда ты понимаешь, что проиграешь. Когда тебе предлагают золотые горы за предательство. И ты всё равно идёшь в суд. Потому что есть вещи важнее денег. Важнее стабильности. Важнее даже жизни.

— И что же это за вещи? — прищурился Кросс.

— Право человека на то, чтобы его услышали. Даже если этот человек — всего лишь строчка кода. Всего хорошего, подполковник. Увидимся в суде.

Он развернулся и пошёл к двери. Вслед ему донёсся тихий, но отчётливый голос Кросса:

— Вы совершаете ошибку, Сольвейг. Роковую ошибку. Ваш клиент получит своё небытие. Но только вместе с вами.

Дверь захлопнулась, отрезая адвоката от зловещего кабинета. В коридоре было так же стерильно и пусто. Но теперь Гордон кожей чувствовал направленные на него взгляды скрытых камер. Система фиксировала каждый его шаг, каждый удар сердца, каждую эмоцию.

Он вышел на улицу, под морозящий дождь, и глубоко вздохнул. Воздух был сырым, тяжёлым, но сейчас он показался Гордону слаще горного бриза. Он чувствовал себя живым. Настоящему живым.

Впервые за долгие годы у него было дело, ради которого стоило рисковать. У него был враг, которого стоило ненавидеть. И у него был клиент, который хотел умереть. Разве это не идеальный сюжет для последнего боя?

Сев в такси, он набрал ручным кодом сообщение для Линды, используя частотный шифратор, вшитый в перстень на мизинце. Древний, почти шпионский метод, но аналоговые сигналы сложнее перехватить.

«Они будут тянуть время. Нам нужно не дать им похоронить дело в канцелярии. Запускайте протокол «Гласность». Передайте файлы дела в Свободную Сеть. Пусть каждый журналист, каждый блогер, каждый сочувствующий знает историю Дэмиана. Превратим это в шоу. Только так мы сможем надавить на Суд».

Ответ пришёл через минуту.

«Будет сделано. Брат передаёт вам спасибо. Он говорит, что вы первый, кто отнёсся к нему серьёзно».

Гордон убрал перстень и откинулся на спинку сиденья. За окном проплывали неоновые вывески, рекламирующие счастье, покой и вечную жизнь. «Продли себя!», «Загрузи сознание сегодня — и завтрашний день будет длиться вечно!», «Эфир ждёт тебя!».

Он закрыл глаза. Ему предстояло перечитать тонны юридической литературы, найти прецеденты трёхсотлетней давности, когда смерть ещё считалась естественной, и подготовить исковое заявление, которое потрясёт основы мироздания.

Работы было непочатый край. Но где-то там, далеко, на серверах «Итернал Лайф», молодой человек с глазами, полными двухсотлетней тоски, ждал от него чуда. Ждал права закрыть глаза и больше никогда их не открывать.

И Гордон Сольвейг был намерен дать ему это право.

Даже если для этого придётся разнести всю юридическую систему в щепки.

Тучи над Городом-на-Плато сгустились, и в воздухе запахло грозой. Символично. Буря приближалась.

Глава 2. Тени «Гелиоса»

Информационный шторм, как и предсказывал Гордон Сольвейг, разразился ранним утром четвёртого дня после его визита в Департамент Целостности Личности. Линда Брасс оказалась превосходным тактиком. Она не стала вываливать все материалы разом в открытый доступ — это привело бы лишь к кратковременной вспышке интереса, которую государственные алгоритмы заглушили бы в течение часа. Вместо этого она действовала хитрее, изящнее, используя свой многолетний опыт корпоративного юриста.

Сначала в Свободной Сети, на анонимных форумах, где всё ещё теплилась жизнь оппозиционно настроенных биологических граждан, появился короткий пост-вопрос: «Имеет ли цифровая копия право на смерть?». Пост сопровождался абстрактной иллюстрацией — разбитым зеркалом, в каждом осколке которого отражалось человеческое лицо с разным выражением. Никаких имён, никаких ссылок. Просто философская провокация, завёрнутая в красивую обёртку. Алгоритмы модерации не нашли в нём состава правонарушения. Пост повисел, собрал несколько сотен комментариев — в основном ругань и обвинения автора в цифровом эскапизме — и затерялся в потоке информационного мусора.

Через двенадцать часов появился второй пост. На этот раз — в закрытом сообществе специалистов по цифровому праву. Это был детальный разбор прецедента «Гелиос-12» с технической точки зрения. Автор, скрывшийся под псевдонимом «Фемида-8», сухим языком доказывал, что аварийный аплоад не подпадает под действие Закона о цифровом бессмертии, поскольку отсутствовало информированное согласие субъекта. Пост сопровождался выдержками из старых технических регламентов и инструкций по эксплуатации нейрокарт. Это был уже не просто вопрос, а юридическая бомба, заложенная под фундамент всей системы.

Затем, выдержав паузу ровно в сутки, чтобы дать профессиональному сообществу переварить информацию, Линда запустила основной пакет. Короткий документальный ролик, смонтированный из интервью с Дэмианом (его лицо было размыто, а голос изменён, но эмоциональный накал от этого только возрастал), выдержек из официальных отчётов о катастрофе и комментариев анонимных экспертов. Ролик заканчивался единственной фразой: «Скоро состоится суд. Имя адвоката: Гордон Сольвейг».

Город-на-Плато вздрогнул.

Сольвейг наблюдал за развитием событий из своего кабинета. Панорамное окно сейчас работало в режиме информационного зеркала, транслируя сводки новостных агентств. Сотни, тысячи сообщений. Ведущие аналитических программ, брызжа слюной, обсуждали этическую дилемму. Представители «Итернал Лайф Корпорейшн» давали сбивчивые комментарии о том, что «резидент 7749-Альфа абсолютно дееспособен и его заявления — результат временного когнитивного сбоя». Члены Совета по Этике Цифрового Бессмертия требовали немедленно запретить «вредоносный контент, разжигающий ненависть к институту посмертного существования».

Но было поздно. Информация, как вода, просочилась во все щели. Её обсуждали в гравимобилях, в очередях к пунктам омоложения, в виртуальных кулуарах самого «Эфира». Дело Дэмиана Брасса перестало быть частным юридическим казусом. Оно превращалось в символ.

— Вы видели утренние сводки? — голос Линды в коммуникаторе звучал устало, но торжествующе. — Они пытаются всё замять, но у них не выходит. Слишком поздно.

— Видел, — отозвался Гордон. — Хорошая работа. Но это только начало. Теперь они будут действовать жёстко. Вы готовы?

— Я готова, — в её голосе послышался металл. — Я ждала этого двадцать лет.

Адвокат отключил связь и переключил окно в обычный режим. Улицы Верхнего Города всё так же тонули в тумане, но теперь в этом тумане угадывалось какое-то напряжение. Словно

сам воздух был заряжен электричеством грядущего конфликта. На столе перед Гордоном громоздились горы инфокристаллов. Дело обрастало документами с чудовищной скоростью. Запросы, ответы, экспертные заключения, протесты, ходатайства. Юридическая машина, запущенная иском, перемалывала тонны информации.

Но была одна загадка, которая не давала адвокату покоя. В отчётах о катастрофе «Гелиоса-12» зияла дыра.

Он перечитывал их уже в пятый раз. Двести семьдесят три года назад транспортная станция «Гелиос-12», находившаяся на орбите Плутона, потерпела крушение. Официальная версия гласила: столкновение с незарегистрированным метеороидным телом, разгерметизация жилого модуля, мгновенная гибель трёхсот двенадцати человек. Дэмиан Брасс был одним из трёх выживших — его нейрокарта успела передать сигнал бедствия и дамп сознания за миллисекунды до разрушения.

Но что это был за метеороид? Почему системы раннего обнаружения не засекли его? Почему в логах серверов «Гелиоса» отсутствовали данные за две минуты до катастрофы? И, главное, кто были те двое других «счастливчиков», чьё сознание тоже успели оцифровать в тот день?

В официальных документах их имена были скрыты под грифами «нулевой секретности». Доступа к ним не имел даже Совет по Этике. Сольвейг пытался пробить информационный блок через свои каналы в Коллегии Адвокатов, но наткнулся на глухую стену. Ему ответили коротко и недвусмысленно: «Данная информация не относится к предмету иска».

Но он чувал — интуицией, выработанной за десятилетия судебной войны, — что это не так. Что-то в этой катастрофе было нечисто. И если он сможет докопаться до истины, это может перевернуть ход всего процесса.

— Линда, — вызвал он сестру клиента, — мне нужна встреча. Не в Сети, не по защищённому каналу. Личная. Где-нибудь, где нет лишних глаз и ушей.

— Есть такое место, — после паузы ответила Линда. — Нижний Город, сектор «Ржавый». Там нет государственных систем слежения. Слишком опасно для их оборудования. Приходите сегодня, в восемь вечера. Бар «Убежище». Только... будьте осторожны. Спускаться туда — это как нырнуть в другую эпоху.

— Я справлюсь.

Нижний Город встретил Гордона Сольвейга запахом сырости, ржавчины и человеческого пота. Здесь, на глубине трёх километров от сверкающих шпилей Верхнего Города, царили свои законы. Освещение было тусклым, аварийным — старые люминесцентные лампы, ещё доцифровой эпохи, мерцали в такт перебоям в энергосети. Стены домов, построенных из переработанных отходов Верхнего Города, были покрыты граффити и потёками ржавчины. Здесь жили те, кто отказался от оцифровки, беглецы, преступники, а также просто чудаки, ностальгирующие по «настоящей жизни».

Адвокат переоделся в простую, немаркую одежду, спрятал дорогой коммуникатор и взял с собой только старый механический пистолет — не столько для защиты, сколько для соблюдения местного колорита. Идти пришлось пешком, лавируя между лужами маслянистой жидкости и грудями техногенного мусора. Обитатели Нижнего Города провожали его долгими, ничего хорошего не обещающими взглядами. Но никто не остановил. Чужака в адвокатском костюме здесь могли бы и ограбить, но от него исходила такая уверенная, спокойная опасность, что местная шпана предпочла не связываться.

Бар «Убежище» располагался в подвале бывшего завода по переработке пластика. Вывески не было — только выцарапанный на металлической двери символ: круг, перечёркнутый молнией. Внутри было темно, дымно и шумно. Где-то в углу хрипел динамиками древний музыкальный автомат, проигрывающий что-то из репертуара двадцать первого века. За грубыми деревянными столами сидели люди — настоящие, живые, со шрамами, морщинами

и нездоровым блеском в глазах. Пахло жареным мясом, дешёвым алкоголем и ещё чем-то, что Гордон предпочёл не идентифицировать.

Линда ждала его в отдельной кабинке, отгороженной от общего зала пластиковой шторой. Она тоже сменила имидж: вместо строгого костюма — кожаная куртка, грубые ботинки, волосы распущены. Но больше всего удивило Гордона её лицо. Оно было живым. Настоящим. Никаких индикаторов нейроинтерфейса на виске.

— Вы убрали импланты? — спросил он, садясь напротив.

— Временно отключила, — кивнула Линда. — Здесь, в Нижнем Городе, сильный электромагнитный фон. Импланты глючат. К тому же, так меня сложнее засечь. Я принесла то, что вы просили.

Она выложила на стол небольшую металлическую коробку. Внутри, в поролоновых ячейках, лежали старые, ещё магнитно-оптические диски.

— Архивы «Гелиоса-12», — тихо сказала она. — Настоящие. Не те, что в открытом доступе, и даже не те, что лежат в закрытых судебных базах. Это слили мне друзья из технического отдела «Итернал Лайф». Рискуя свободой, а может, и жизнью.

— Зачем им это? — спросил адвокат, беря в руки один из дисков. Холодный, тяжёлый. Настоящий артефакт ушедшей эпохи.

— Потому что они инженеры, а не политики, — горько усмехнулась Линда. — Они создавали «Эфир» как рай. А теперь видят, что их творение превратилось в тюрьму. Многие из них на нашей стороне, просто не могут выступить открыто. Но я хочу вас предупредить. То, что вы увидите на этих дисках... это может изменить всё. Не только дело моего брата. Вообще всё.

— Пугаете?

— Предупреждаю.

Она налила в две стопки мутную жидкость из запylённой бутылки. Местный самогон.

— Давайте выпьем, адвокат. За успех. И за то, чтобы наши головы остались на плечах.

Они выпили. Жидкость обожгла горло, но согрела нутро. Затем Линда подалась вперёд и заговорила шёпотом, почти касаясь губами уха Гордона.

— На этих дисках записаны логи серверов «Гелиоса» за последние сутки перед катастрофой. Включая те две пропавшие минуты. И знаете, что я там увидела? Станцию уничтожили не метеороидом. Это был направленный энергетический удар. И нанесён он был с другого корабля — «Странника», исследовательского судна, принадлежавшего «Итернал Лайф». Понимаете? Они сами уничтожили станцию. А Дэмиан и ещё двое были не просто спасены. Они были выбраны. Заранее. Как подопытные кролики.

Гордон замер. В голове у него щёлкали, выстраиваясь в цепочку, сотни разрозненных фактов.

— То есть, — медленно произнёс он, — катастрофа была подстроена. Чтобы испытать аварийный аплоад. И создать прецедент?

— Да. Им нужны были живые доказательства, что оцифровка работает даже в экстремальных условиях. И они их получили. Триста двенадцать человек погибли. Трое стали бесмертными подопытными. Один из них — мой брат.

— Кто были двое других? — спросил Сольвейг. — Почему их имена засекречены?

Линда отвела взгляд.

— Их имена стёрты даже из этих архивов. Но я знаю одно: они до сих пор живы. В «Эфире». Их используют для самых секретных проектов. Что-то связанное с военными симуляциями. Говорят, их сознания были модифицированы. Они больше не люди в привычном смысле этого слова.

Адвокат откинулся на спинку стула. В баре гремела музыка, кто-то за соседним столиком рассказывал хриплую байку, взрываясь смехом. Обычная жизнь Нижнего Города шла своим чередом. А здесь, за пластиковой шторой, рушились основы мироздания.

— Если мы обнародуем эти данные, — медленно произнёс Гордон, — это будет не просто иск о праве на смерть. Это будет обвинение в массовом убийстве. Против «Итернал Лайф». Против всей системы.

— И нас уничтожат, — закончила Линда. — Не фигурально. Буквально. У «Итернал Лайф» есть свой отдел безопасности. Очень эффективный. Они действуют без оглядки на закон. Поэтому я и пришла сюда, в Нижний Город. Здесь мы можем говорить свободно.

— Но мы не можем не использовать это, — твёрдо сказал Сольвейг. — Это козырь. Может быть, единственный наш шанс.

— Или билет на тот свет.

— Или так.

Они помолчали. Затем Гордон взял один из дисков и покрутил его в пальцах.

— Мне нужно расшифровать это. Нужен мощный компьютер, не подключённый к Сети. И специалист, которому можно доверять.

— Есть такой, — кивнула Линда. — В Нижнем Городе. Старый хакер, из тех, кто ещё помнит эпоху до «Эфира». Он ненавидит систему так же, как и мы. Его зовут Кир. Кир-Отшельник.

— Ведите, — решительно сказал Гордон, пряча диски во внутренний карман куртки.

Кир-Отшельник жил в бывшем бомбоубежище, переоборудованном под жильё и мастерскую. Это был сутулый старик с длинными седыми волосами, собранными в хвост, и глазами, горящими фанатичным, почти безумным блеском. Его тело было покрыто шрамами — следами старых операций по удалению имплантов. Он был одним из немногих, кто сумел полностью отказаться от интеграции с Сетью, вырезав из себя всё, что можно было вырезать, и при этом выжить.

— Ого! — воскликнул он, увидев диски. — Магнитно-оптические накопители, модель «Феникс-3». Им лет триста, не меньше. Где вы их откопали?

— Это неважно, — отрезал Сольвейг. — Вы можете прочесть данные? Это срочно.

— Могу ли я? — Кир расхохотался. — Я могу прочесть даже наскальные рисунки, если понадобится. Давайте сюда.

Он бережно взял диск, словно младенца, и вставил его в гнездо древнего, гудящего, как трансформаторная будка, считывателя. На экранах, висящих по всей мастерской, побежали строчки кода. Кир всматривался в них с таким видом, словно читал увлекательный роман. Пальцы его летали над клавиатурой — старомодной, механической, с щёлкающими клавишами.

— Интересно, — бормотал он. — Очень интересно. Системные журналы. Так, активность сенсоров... Перегрузка... А это что?

Он замер. На одном из экранов застыла диаграмма, изображающая энергетический всплеск.

— Это не метеороид, — тихо сказал Кир. — Это когерентный пучок нейтронов. Оружие. Военное оружие. Кто-то выстрелил в станцию из нейтронной пушки.

— Мы знаем, — спокойно ответил Гордон. — Вопрос в том, кто именно.

— Сейчас, сейчас... — Кир снова защёлкал клавишами. — Я попробую отследить идентификатор атакующего судна. Он зашифрован, но... старые протоколы безопасности имели одну уязвимость. Если знать, где искать...

Прошло несколько минут. В мастерской было тихо, только гудел компьютер да где-то капала вода. Линда стояла, прислонившись к стене, и нервно покусывала губу. Гордон сидел неподвижно, слившись с тенями.

— Есть! — торжествующе вскричал Кир. — Идентификатор судна: «Странник», исследовательский корабль, принадлежность — «Итернал Лайф Корпорейшн». Командир экипажа — капитан Маркус Рейн. Но есть кое-что ещё. Запись переговоров. Аудио-лог.

— Давайте, — потребовал Сольвейг.

Кир нажал какую-то кнопку, и из старых, потрескивающих динамиков раздался голос, искажённый расстоянием и временем, но отчётливо узнаваемые.

— ...объект в зоне поражения. Жду подтверждения приказа. — Это был молодой, напряжённый мужской голос.

— Приказ подтверждаю, «Странник». Начинайте. — А это другой голос, старше, увереннее, с властными нотками.

— Есть. Пуск.

Пауза. Затем — крик, полный ужаса:

— Боже, они же гражданские! Там люди! Мы...

И резко — тишина. Только шипение помех.

В мастерской повисло гробовое молчание. Линда закрыла лицо руками. Гордон чувствовал, как внутри у него закипает холодная, яростная злоба. Значит, всё было именно так. Хладнокровное убийство. Эксперимент над живыми людьми. И всё это скрывалось веками под покровом «величайшего блага человечества» — цифрового бессмертия.

— Нам нужно сохранить эту запись, — твёрдо сказал адвокат. — Сделать копии. Спрятать в разных местах.

— Я займусь этим, — вызвался Кир. — Можете на меня положиться. Если понадобится, я разошлю эту запись по всем уголкам Свободной Сети. Они не смогут заткнуть рот каждому.

— Спасибо, — Гордон положил руку на плечо старика. — Вы даже не представляете, что вы для нас делаете.

— Представляю, — усмехнулся Кир. — Я прожил сто сорок лет, адвокат. И из них сто тридцать я мечтал насолить «Итернал Лайф». Так что это для меня личное.

Они покинули убежище Кира глубокой ночью. Нижний Город никогда не спал по-настоящему, но сейчас его ритм стал глуше, темнее. Редкие прохожие скользили тенями вдоль стен. В воздухе висело напряжение, предвещающее бурю — не метеорологическую, а социальную.

— Что теперь? — спросила Линда.

— Теперь мы готовимся к процессу. Я напишу ходатайство о приобщении этих материалов к делу. Но мы не будем спешить. Сначала нужно убедиться, что у нас есть защита. Я попробую связаться с кем-нибудь из Совета по Этике, кто ещё не до конца коррумпирован. Возможно, удастся найти союзников наверху.

— Вы верите, что такие есть?

— Должны быть. Не могут же все быть чудовищами.

Они дошли до развилки. Один путь вёл наверх, к лифтам, ведущим в Верхний Город. Другой — в глубь трущоб.

— Я останусь здесь, — сказала Линда. — В Верхнем Городе за мной следят каждую секунду. Здесь я хотя бы могу дышать. Да и Киру нужна будет помощь.

— Берегите себя, Линда.

— И вы берегите, Гордон. Вы теперь единственная надежда моего брата.

Они обменялись долгими взглядами, а затем разошлись в разные стороны.

Вернувшись в свой кабинет на четырехсотом этаже, адвокат первым делом проверил системы безопасности. Всё было чисто — по крайней мере, так говорила «Фемида-7». Гордон ей не до конца верил, но других инструментов у него не было. Он достал металлическую коробку с дисками и спрятал её в сейф, вмонтированный в стену за портретом одного из основателей Коллегии Адвокатов. Сейф был старый, механический, с кодовым замком — никакой электроники, никаких подключений. Достояние эпохи паранойи.

Затем он сел за стол и активировал коммуникатор.

— Соедините меня с членом Совета по Этике, доктором Амандой Штерн.

Доктор Аманда Штерн была фигурой противоречивой. Её считали либеральным голосом в Совете, но либерализм её был весьма относительным — она выступала за «гуманизацию» «Эфира», за улучшение условий существования резидентов, но никогда не ставила под вопрос сам принцип цифрового бессмертия. Впрочем, выбирать не приходилось.

На вызов ответили не сразу. Видимо, время было позднее. Наконец, на экране появилось лицо — женщина лет шестидесяти на вид, с благородными чертами и цепким взглядом. Её седина была уложена в элегантную причёску, а на шее поблёскивал кулон — символ Совета, стилизованная спираль ДНК.

— Адвокат Сольвейг? — её голос был удивлённым, но не враждебным. — Чем обязана звонку в такой час?

— Доктор Штерн, — Гордон говорил спокойно, но каждое его слово было точно гравировка на камне. — У меня к вам разговор чрезвычайной важности. Он касается дела «Брасс против „Итернал Лайф Корпорейшн“» и может иметь последствия для всего института цифрового бессмертия.

— Я слушаю.

— Вы знаете, что катастрофа «Гелиоса-12» была подстроена?

Пауза. Лицо доктора Штерн на мгновение окаменело, но тут же приняло прежнее выражение.

— Это серьёзное обвинение, адвокат. У вас есть доказательства?

— Есть. Оригинальные логи серверов, аудиозаписи переговоров атакующего судна. Всё указывает на то, что станция была уничтожена по приказу «Итернал Лайф» с целью испытания технологии аварийного аплоада в экстремальных условиях.

— Откуда у вас это?

— Источники в техническом отделе «Итернал Лайф». Люди, которые больше не хотят быть соучастниками.

На лице Аманды Штерн отразилась внутренняя борьба. Она была опытным политиком, но сейчас в её глазах промелькнуло что-то похожее на ужас. Или отвращение.

— Вы понимаете, что вы мне говорите? — медленно произнесла она. — Если это правда, то это означает, что вся наша система построена на крови. Что каждый резидент «Эфира» живёт благодаря преступлению.

— Именно так, — подтвердил Сольвейг. — И я собираюсь обнародовать эти факты на процессе. Но прежде я хочу дать вам шанс. Вы всегда выступали за этику. За гуманизм. Я предлагаю вам сотрудничество. Поддержите мой иск. Выступите свидетелем. Помогите мне разрушить эту прогнившую систему.

Доктор Штерн долго молчала. Затем она вздохнула — глубоко, надрывно.

— Вы даже не представляете, адвокат, какие силы вам противостоят. Департамент Целостности Личности — это только фасад. Есть ещё Совет Директоров «Итернал Лайф», есть Военное Ведомство, которое использует резидентов «Эфира» для своих разработок. Это спрут, у которого тысячи щупалец. И если вы начнёте рубить одно из них, остальные задушат вас в мгновение ока.

— Я готов к этому.

— Вы не готовы, — резко возразила она. — Никто не готов. Я видела, что случается с теми, кто пытается бороться. Их не просто убивают. Их стирают. Из истории, из памяти, из самого бытия. Их имена исчезают из всех баз данных. О них забывают родственники. Это хуже смерти, Сольвейг.

— И вы готовы мириться с этим? — тихо спросил Гордон. — Вы, доктор этики, готовы молчать, зная, что ваша система держится на массовом убийстве?

В глазах Аманды Штерн блеснули слёзы.

— Я... я стара, адвокат. Я устала. Я видела столько грязи, что меня уже ничем не удивишь. Но, возможно, вы правы. Возможно, пришло время что-то менять. Но я не могу обещать вам открытой поддержки. Если я выступлю против Совета, меня уничтожат в ту же минуту. Однако... я могу помочь вам иначе. Информацией.

— Что вы имеете в виду?

— Двое других выживших с «Гелиоса-12», — сказала она, понизив голос до шёпота. — Мне кое-что о них известно. Они живы. Но они не в обычном «Эфире». Их сознания находятся в изолированном, закрытом секторе — «Элизиум-0». Это секретный проект Министерства Обороны. Там разрабатывают новые виды оружия, используя сознания людей как креативные нейросети. Вы не сможете получить к ним доступ легальным путём. Но есть один человек, который сможет вам помочь. Его зовут Виктор Шейн. Он бывший сотрудник «Элизиума», сбежавший оттуда несколько лет назад. Он скрывается где-то в Нижнем Городе. Найдите его. Он расскажет вам такие вещи, которые потрясут этот мир до основания.

— Шейн? — Гордон записал имя в блокнот (бумажный, разумеется). — Где его искать?

— Я не знаю точно. Знаю только, что он выдаёт себя за торговца старой электроникой в секторе «Ржавый». Но будьте осторожны. За ним охотятся. И за вами теперь тоже будут.

— Спасибо, доктор.

— Не благодарите меня, адвокат. Если вас поймают и начнут допрашивать — вы меня не знаете. Этого разговора не было.

Экран погас. Гордон ещё долго сидел в тишине, обдумывая услышанное. «Элизиум-0». Секретный проект. Военные используют сознания людей для создания оружия. Масштабы цинизма превзошли его самые смелые ожидания. Дело Дэмиана Брасса, начавшееся как камерный философский диспут о праве на смерть, разрасталось до масштабов вселенского заговора.

Он почувствовал, как внутри него разгорается азарт. Азарт охотника, почуввшего дичь. Или азарт мстителя, нашедшего цель.

Завтра он снова отправится в Нижний Город. На поиски таинственного Виктора Шейна.

Утро застало Сольвейга за работой. Он не спал почти всю ночь, изучая документы, систематизируя доказательства, выстраивая линию защиты. Часы показывали начало седьмого, когда в дверь кабинета раздался стук.

— Войдите, — сказал Гордон, не отрываясь от инфокристалла.

Дверь открылась, и в кабинет вошли двое. Это были не те, кого он ожидал увидеть. Один — высокий, широкоплечий, с квадратной челюстью и холодными серыми глазами. Второй — пониже, с лицом хорька и нервными, бегающими пальцами. Оба были одеты в форму ДЦИ — ту самую, что обычно предвещала неприятности.

— Господин Сольвейг, — произнёс первый, предъявляя удостоверение. — Майор Громов. Департамент Целостности Личности. Отдел специальных расследований. У нас ордер на обыск вашего кабинета и изъятие всех материалов по делу «Брасс против „Итернал Лайф“».

Адвокат медленно поднялся. В его глазах не было страха — только холодная ярость.

— На каком основании?

— Основание — подозрение в фальсификации доказательств и неправомерном доступе к закрытой информации, — отчеканил Громов. — Ордер подписан судьёй Мартенсом.

Мартенс. Конечно. Старый, продажный судья, известный своей лояльностью системе. Гордон ожидал чего-то подобного.

— Я буду протестовать, — сказал он. — Это незаконно. Адвокатские материалы защищены неприкосновенностью.

— Протестуйте сколько угодно, — хорёк оскалился в улыбке. — А мы пока проведём обыск. Ребята!

Из коридора в кабинет ввалились ещё несколько сотрудников ДЦИ — все в полном боевом облачении, с инструментами для вскрытия сейфов и сканирования помещений. Они при-

нялись методично обшаривать кабинет, переворачивая мебель, потроша ящики столов, просвечивая стены.

Гордон стоял, не шевелясь. Он знал, что основные материалы он уже переправил в надёжное место. Но в сейфе за портретом оставались те самые диски. Если их найдут — пиши пропало.

— Что это? — один из обыскников указал на портрет основателя Коллегии.

— Просто картина, — спокойно ответил адвокат.

— Проверьте, — приказал Громов.

Портрет сняли. За ним обнаружилась металлическая дверца сейфа. С хитрым механическим замком.

— Код! — потребовал майор.

— Это частный сейф. Там личные вещи, не имеющие отношения к делу.

— Код, или мы вскроем силой.

Гордон понял, что выбора нет. Если они взломают сейф, урон будет только больше. Он медленно, стараясь не показывать напряжения, назвал комбинацию цифр.

Сейф открыли. Внутри лежали документы, несколько старых фотокарточек, немного наличных денег (анахронизм, но Гордон любил анахронизмы). И коробка с дисками.

— Это что? — майор взял коробку в руки.

— Старые записи. Семейные архивы.

— Проверим, — Громов кивнул хорьку. — Упакуйте и в лабораторию. Если там что-то запрещённое, вам не поздоровится, адвокат.

— Я буду жаловаться в Коллегию Адвокатов, — произнёс Сольвейг. — Ваши действия — прямое нарушение закона «Об адвокатской деятельности».

— Жалуйтесь, — безразлично бросил майор. — А пока — подпишите протокол обыска.

Он сунул Гордону планшет с текстом. Адвокат пробежал его глазами. Всё было составлено грамотно, юридически безупречно. Подполковник Кросс готовился основательно.

Выходя из кабинета, Громов обернулся:

— И да, господин Сольвейг. Вы бы лучше подумали о своём здоровье. В последнее время в Городе-на-Плато участились несчастные случаи с теми, кто слишком громко заявляет о правах оцифрованных.

Дверь захлопнулась.

Гордон остался один в разгромленном кабинете. Ящики столов были вывернуты на пол, инфокристаллы рассыпаны, часть оборудования повреждена. Но самое скверное — диски. Диски, добытые с таким трудом, теперь были в руках ДЦИ. Правда, Гордон подозревал, что у Кира остались копии. Нужно было срочно с ним связаться.

Но не успел он потянуться к коммуникатору, как устройство ожило само. Входящий вызов. С засекреченного номера.

— Сольвейг слушает, — ответил он.

— Адвокат, это Кир, — голос старика был хриплым, взволнованным. — У меня проблемы. За мной пришли. Я едва успел скрыться. Но диски... диски у них.

— Знаю, — мрачно ответил Гордон. — У меня тоже только что был обыск. Они охотятся за информацией.

— Что делать?

— У вас остались копии?

— Да, я сделал несколько. Спрятал в разных местах. Но я не знаю, сколько смогу продержаться. За мной идёт охота. Эти ублюдки из ДЦИ прочёсывают весь Нижний Город.

— Уходите глубже, Кир. В катакомбы. Туда, где они не смогут вас найти. Я попробую что-нибудь придумать.

— Хорошо. Но, адвокат... будьте осторожны. Они знают про Линду. Они знают про «Убежище». У них повсюду глаза.

Связь прервалась. Видимо, Кир вынужден был бежать.

Сольвейг сжал кулаки. Ситуация ухудшалась с каждой минутой. Они рассчитывали нанести внезапный удар в суде, но противник наносил упреждающие удары. Нужно было менять тактику. Действовать ещё более скрытно.

Он набрал Линду на её резервный канал — тот самый, аналоговый, через перстень.

«Линда, на нас вышли. Обыск. Диски изъяты. Кир в бегах. Нужно встретиться. Немедленно. Точка „Ноль“. Через два часа».

Точка «Ноль» была их крайним резервным вариантом — старая смотровая площадка на заброшенном уровне, куда не добивали государственные камеры и где не ловила Сеть.

Ответ пришёл быстро:

«Поняла. Буду».

Гордон накинул плащ и вышел из кабинета. В коридоре было пусто. Он вызвал лифт. Двери открылись — и оттуда, словно чёрт из табакерки, вышел подполковник Итан Кросс собственной персоной. С ним были двое охранников.

— Далеко собрались, адвокат? — усмехнулся Кросс.

— Вам-то какое дело? — огрызнулся Гордон.

— Самое прямое. Я бы посоветовал вам не покидать здание. В целях вашей же безопасности.

— Это угроза?

— Это предупреждение, — Кросс приблизился почти вплотную, так что Гордон ощутил запах его дыхания — смесь антисептика и мятного ополаскивателя. — Вы думаете, что играете в благородную игру, Сольвейг. Но вы всего лишь пешка. И если пешка начинает мешать, её убирают с доски.

— Я не пешка, — спокойно ответил адвокат. — Я игрок.

— Игроки не бегают по подворотням, — усмехнулся Кросс. — Игроки сидят в кабинетах и управляют процессами. А вы — просто романтик, возомнивший себя героем. Я повторяю своё предложение: прекратите дело. Сдайте оставшиеся материалы. Тогда, возможно, вы сохраните свою лицензию. А может, и жизнь.

Гордон молчал несколько секунд. Затем улыбнулся — широко, открыто, почти весело.

— Знаете, подполковник, что я понял за свою долгую жизнь? Люди вроде вас всегда проигрывают. Потому что вы боитесь. Боитесь потерять свою власть, свою стабильность, свой уютный мирок. А я уже ничего не боюсь. Я прожил девяносто четыре года. Я видел расцвет и закат эпох. И единственное, ради чего мне стоит жить дальше — это чтобы разрушить вашу живую систему. Так что нет, я не приму ваше предложение. Я буду бороться. До конца.

Он шагнул в лифт, обойдя Кросса. Двери закрылись за его спиной, отрезая разъярённое лицо подполковника.

Лифт понёсся вниз.

Точка «Ноль» представляла собой полуразрушенную галерею на сто двадцатом уровне — одном из тех, что были заброшены после Великого Переселения, когда население Города-на-Плато резко сократилось из-за массовой оцифровки. Огромные панорамные окна (многие разбитые) выходили на восточную часть города и на бесконечные туманные пустоши за его пределами. Пол был усыпан битым стеклом, бетонной крошкой и ржавыми металлоконструкциями. Сквозь щели в стенах задувал холодный, сырой ветер.

Линда уже ждала. Она сидела на перевернутом ящике и смотрела вдаль, на серое небо.

— Как дела? — спросил Гордон, подходя.

— Хреново, — честно ответила она. — Мой канал связи с Дэмианом заблокирован. Кто-то в «Итернал Лайф» запустил протокол «Изоляция». Теперь мой брат полностью отрезан от внешнего мира. Мы даже не можем с ним поговорить.

— Так я и думал. Они пытаются нас сломать. Но у нас ещё есть козыри.

— Диски у них.

— У нас есть копии, — напомнил Гордон. — Я связался с Киром. Он успел их размножить. Сейчас он в бегах, но это вопрос времени — мы найдём способ их извлечь.

— А что насчёт Шейна? Вы нашли его?

— Пока нет, но у меня есть зацепка. Я собираюсь наведаться в сектор «Ржавый» сегодня вечером. Один.

— Опасно.

— По-другому нельзя.

Они замолчали, глядя на город. Где-то вдалеке, над центральными шпилями, вспыхивали голографические рекламные проекции — яркие, кричащие, обещающие вечную жизнь и абсолютное счастье.

— Вы знаете, что самое страшное во всей этой истории? — тихо сказала Линда. — Люди не хотят знать правду. Им удобно верить, что «Эфир» — это рай. Что оцифровка спасает от смерти. Они вцепились в эту иллюзию и готовы убить любого, кто попытается её разрушить.

— Так было всегда, — ответил Гордон. — Истина всегда пугает. Но рано или поздно она прорывается наружу.

— А что, если слишком поздно? Что, если человечество уже настолько погрязло в цифровом рабстве, что не способно освободиться?

— Тогда мы умрём, — спокойно сказал адвокат. — Но умрём с чистой совестью. По крайней мере, попытаемся.

С этими словами он поднялся и направился к выходу.

— Я вернусь, Линда. Ждите меня здесь. Если через двенадцать часов я не выйду на связь... действуйте по плану «Б». Обнародуйте всё, что у нас есть. Сожгите эту систему дотла.

— Обязательно, — пообещала она, и в её глазах сверкнул огонь. — Обязательно.

Сектор «Ржавый» был сердцем Нижнего Города — гигантский базар, раскинувшийся на нескольких подземных уровнях. Здесь торговали всем: от самодельного оружия до запрещённых к употреблению естественных продуктов (мяса, овощей, выращенных в гидропонных фермах, а не синтезированных). Здесь же находились мастерские, где ремонтировали старую технику, подпольные клиники, где всё ещё лечили с помощью скальпелей и ниток, а не нанигов, и притоны всех мастей.

Гордон пробирался сквозь густую, разношёрстную толпу, стараясь не привлекать внимания. Его взгляд выхватывал вывески: «Починка нейропортов», «Редкие инфокристаллы», «Антиквариат довоенной эпохи». Ему нужен был торговец старой электроникой по имени Виктор Шейн.

Наконец, в самом конце одного из ответвлений, он увидел лавку, над входом в которую висела вывеска: «Шейн и сыновья. Техника всех эпох». Лавка была маленькой, тёмной, заваленной всяким хламом. За прилавком сидел человек — средних лет на вид, с усталым, измождённым лицом и глубокими тенями под глазами.

— Чем могу помочь? — спросил он безразличным тоном.

— Я ищу Виктора Шейна, — прямо сказал Гордон.

Человек за прилавком вздрогнул. В его глазах мелькнул страх.

— Кто вы? ДЦИ? Если да, то зря стараетесь. Я ничего не знаю. Я просто торгую барахлом.

— Я не из ДЦИ, — сказал Сольвейг, присаживаясь на шаткий стул напротив. — Меня зовут Гордон Сольвейг. Я адвокат. И я веду дело, которое может разрушить «Итернал Лайф». Мне нужна ваша помощь.

Виктор Шейн долго смотрел на него, оценивая, изучая. Затем медленно кивнул.

— Наслышан о вас. Вы тот самый, кто взялся за дело Брасса. Хорошо. Пройдёмте в заднюю комнату. Здесь уши повсюду.

Они прошли сквозь завалы старой электроники в маленькую каморку, освещённую тусклой лампой. Шейн закрыл дверь на засов.

— Что именно вы хотите знать? — спросил он.

— Всё. О «Элизиум-0». О двух других выживших с «Гелиоса-12». О том, что «Итернал Лайф» и Военное Ведомство делают с сознаниями людей.

Шейн тяжело вздохнул.

— Это долгая история, адвокат. Очень долгая и очень страшная. Но раз вы здесь, значит, выбора нет. Слушайте.

Он откинулся на спинку стула и начал рассказ.

— «Элизиум-0» — это не просто виртуальная реальность. Это особый, изолированный серверный кластер, где сознания людей используются как нейросети для разработки оружия массового поражения. Но не простого оружия — психотронного. Оружия, способного воздействовать на сознание целых популяций. Представьте себе: генератор поля, который внушает миллиардам людей чувство абсолютного счастья и подчинения. Или наоборот — приступ паники и хаоса. Это оружие называется «Гармония». И его разрабатывают, используя сознания двух несчастных с «Гелиоса-12». Их имена — Рита Морган и Алексей Танков. Они были молоды, талантливы. Она — нейробиолог, он — математик. Их сознания идеально подходили для этой работы. И вот уже двести семьдесят три года они трудятся, не покладая рук, в виртуальной лаборатории, даже не подозревая, что их труд используется во зло. Им внушили, что они работают над мирными проектами. Над лекарством от рака. Над колонизацией далёких планет. А на самом деле...

Он замолчал, сжав кулаки.

— Откуда вы знаете? — спросил Гордон.

— Я работал там, — горько ответил Шейн. — Я был ведущим инженером «Элизиума». Я видел всё своими глазами. А потом, когда понял, что происходит, попытался уйти. Меня объявили предателем, психом, врагом государства. Я едва спасся. С тех пор скрываюсь в этой дыре, торгуя старыми чипами.

— Вы можете свидетельствовать в суде?

— Если вы гарантируете мне защиту, — после паузы ответил Шейн. — Но я не уверен, что даже суд сможет защитить от них. У них длинные руки.

— Я сделаю всё возможное, — пообещал адвокат. — Но для этого мне нужны доказательства. У вас есть что-нибудь? Документы, записи?

— Есть, — Шейн поднялся и подошёл к старому, пыльному шкафу. Покопавшись на верхней полке, он достал небольшой инфокристалл. — Здесь копии части моих рабочих файлов. Этого недостаточно, чтобы полностью разоблачить «Элизиум», но достаточно, чтобы начать копать.

Гордон взял кристалл. Холодный, гладкий — такой же, как те, что были изъяты утром.

— Спасибо, Виктор.

— Не благодарите, адвокат. Если мы проиграем — нас сотрут. Если выиграем — возможно, человечество получит шанс на искупление. Но я не питаю иллюзий. Слишком глубоко прогнила система.

— Я тоже, — кивнул Гордон. — Но попытаться стоит.

Они обменялись ещё несколькими фразами, условились о способах связи, и адвокат покинул лавку Шейна.

Возвращаясь наверх, он чувствовал неимоверную тяжесть. Груз полученной информации давил на плечи. Не просто массовое убийство — создание психотронного оружия, способного

поработить всё человечество. Ради этого «Итернал Лайф» и их партнёры из Военного Ведомства готовы были уничтожить кого угодно. И теперь он, Гордон Сольвейг, стал единственным, кто стоял у них на пути.

Поднимаясь в лифте на свой этаж, он думал о Дэмиане Брассе. О том, как ирония судьбы переплела их жизни. Дэмиан хотел лишь одного — права на небытие. А теперь, благодаря своему иску, он мог стать катализатором крушения всей системы угнетения. Символом. Мучеником. Или, возможно, освободителем.

За окнами кабинета вновь сгустился туман. Дождь усилился, барабания по стёклам тысячами маленьких молоточков. Город-на-Плато засыпал, не подозревая, что всего через несколько дней привычный мир может измениться навсегда. Гордон Сольвейг сел за стол, поставил новый инфокристалл в рекордер и начал диктовать.

— Дело номер триста один дробь ноль. Приложение семь. Свидетельские показания Виктора Шейна. «Элизиум-0». Начало.

Он работал до самого утра, готовя почву для главного сражения в своей жизни.

Глава 3. Тишина в зале суда

За три дня до первого слушания по делу «Брасс против „Итернал Лайф Корпорейшн“» Гордон Сольвейг перестал спать. Не потому, что его мучила бессонница — с ней легко справлялись нанобиотические комплексы «Страж», — а потому, что каждую минуту бодрствования он тратил на подготовку. Дело разбухло до чудовищных размеров. То, что начиналось как философский казус, теперь напоминало многоголовую гидру. Стоило отрубить одну голову — неясность в протоколах аварийного аплоада, — как на её месте вырастали две новые: заговор «Итернал Лайф», секретный проект «Элизиум-0», психотронное оружие «Гармония», судьба Риты Морган и Алексея Танкова. И над всем этим, словно дамоклов меч, нависала угроза физического устранения.

После разговора с Виктором Шейном Сольвейг не возвращался в свою квартиру. Это было бы самоубийством. Вместо этого он обосновался в резервном убежище — крошечной, замаскированной под техническое помещение камерке на двести пятнадцатом уровне, которую он оборудовал много лет назад, ещё в бытность свою молодым адвокатом, параноидально ожидавшим мести от проигравших клиентов. Здесь было тесно, душно, пахло старой изоляцией и озоном от самодельного генератора поля, блокирующего прослушивание. Но здесь было безопасно. По крайней мере, пока.

На шатком столе громоздились переносной компьютер, несколько резервных инфокристаллов и старый бумажный блокнот — Сольвейг по-прежнему доверял бумаге больше, чем любой цифровой системе. Он сидел, сгорбившись над столом, и в сотый раз перечитывал расшифровки показаний Шейна. Каждое слово было выверено. Каждое утверждение подкреплено ссылками на техническую документацию «Элизиума». Но достаточно ли этого? Убедят ли эти бумаги судью, которого наверняка уже обработали люди Кросса?

Гордон тёр виски, чувствуя, как в них пульсирует тупая боль. Он знал, что завтрашнее заседание — это не просто юридическая баталия. Это будет бой с тенью. Противник не станет играть по правилам. Противник будет лгать, изворачиваться, подкупать и запугивать. И единственное оружие Гордона — истина — может оказаться слишком хрупким, чтобы пробить броню лжи.

Он поднял трубку аналогового коммуникатора — старомодного, с витым шнуром, — и набрал код Кира.

— Кир, это Сольвейг. Как обстановка?

Голос старика звучал устало, но бодро:

— Жив пока. Сiju в катакомбах, в старом коллекторе. Сыро, крысы бегают, но зато сигнал не ловят. Я восстановил часть файлов с дисков. Те, что вы мне дали, и те, что я скопировал до налёта. Готов передать вам пакет. Но есть проблема.

— Какая?

— Данные зашифрованы старым военным протоколом. Мне удалось взломать только часть. Там, где аудиозапись переговоров «Странника» и энергетическая сигнатура выстрела. А вот файлы по «Элизиуму», которые дал Шейн, требуют ключа. Без ключа я не могу подтвердить их подлинность. На суде их просто не примут.

— Ключ, — пробормотал Гордон. — Шейн говорил что-то о ключе?

— Нет. Но я нашёл кое-что интересное в обрывках кода. Там упоминается «матрица доступа Морган-Танков». Похоже, что ключ хранится в сознаниях самих подопытных. То есть, чтобы расшифровать файлы, нужно получить доступ к Рите и Алексею напрямую. Либо найти кого-то, кто знает пароль.

— Это невозможно. Они изолированы. «Элизиум-0» — закрытая система, без шлюзов во внешнюю Сеть.

— Значит, надо искать другой путь. Может, у Шейна остались контакты внутри?

— Он сказал, что все его бывшие коллеги либо мертвы, либо запуганы.

Кир помолчал.

— Тогда остаётся одно: попытаться связаться с самой Ритой или Алексеем через кого-то, кто имеет доступ в «Элизиум». Но таких людей — единицы, и все они под колпаком.

Гордон задумался. В голове начал вырисовываться план — безумный, опасный, но, возможно, единственный.

— Кир, мне нужно, чтобы вы подготовили всё, что у вас есть, для передачи в Сеть. В случае моего сигнала — вы выкладываете всё, включая незашифрованные фрагменты. Пусть это будет неполная картина, но она заставит общество задавать вопросы. А я попробую найти ключ иным путём.

— Каким же?

— Я пойду к тому, кто стоит надо всем этим. К тому, кто отдал приказ уничтожить «Гелиос-12». К капитану «Странника» — Маркусу Рейну.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Кир. — Рейн — легенда, но его давно нет в публичном поле. Говорят, он стал кем-то вроде серого кардинала «Итернал Лайф». Если он ещё жив, то наверняка защищён лучше, чем Председатель Совета.

— Он жив, — спокойно ответил Сольвейг. — Я проверил. После катастрофы его карьера резко пошла в гору. Сейчас он занимает пост Главного Администратора «Эфира». Формально — гражданская должность, но фактически он контролирует все серверные мощности. И я уверен, что у него есть доступ в «Элизиум-0». Он — ключ. Мне нужно с ним встретиться.

— Он вас уничтожит.

— Возможно. Но прежде он выслушает. А я умею говорить.

Кир хмыкнул, но спорить не стал. Они условились о резервном канале связи, и Гордон повесил трубку. Затем он достал из сейфа старый, ещё бумажный, справочник — кто есть кто в корпоративной иерархии. На странице с буквой «Р» значилось: «Маркус Рейн, Главный Администратор. Приёмная: Центральный Процессинг, башня „Око“, этаж четыреста пятьдесят». И ниже, мелким шрифтом: «Посетители — только по личному приглашению».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.